

— УМНЫЙ АВТОР —

Оксана Белозерская

Запиши мой юзернейм

РОМАН • ЛЮБОВЬ • СОВРЕМЕННАЯ ПРОЗА

Оксана Белозерская

Запиши мой юзернейм

«Автор»

2026

Белозерская О.

Запиши мой юзернейм / О. Белозерская — «Автор», 2026

Представьте: вы просто хотели выспаться после тяжелой недели, уткнулись лбом в любимый диван... а очнулись в дивном лунном саду. И прямо перед вами - мужчина с идеальными плечами и томным взглядом, словно сошедший со страниц типичного любовного романа. Ситуация грозит стать неловкой, но... что, если правила игры можно переписать? «Запиши мой юзернейм» - это удивительно нежная, живая и ироничная история о том, как два умных человека случайно находят друг друга в паутине современных условностей. Здесь привычные книжные штампы рассыпаются, уступая место настоящей магии - магии одного честного разговора. Разговора без масок, ожиданий и обязательств, который меняет всё.

© Белозерская О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Оксана Белозерская

Запиши мой юзернейм

Глава 1

Это был невероятно атмосферный и красивый сон. Прямо в духе готических романов или старых сказок, где природа безжалостно берет верх над временем.

Узкие каменные дорожки поросли пушистым мхом. Огромные, раскидистые деревья сплетали ветви над головой в плотную зеленую крышу. Вокруг свисали лианы, а кусты диких роз цвели так, как им вздумается, а не по линейке садовника. Где-то в глубине пряталась старая стеклянная оранжерея с мутными, потрескавшимися стеклами, внутри которой буйствовали тропические папоротники.

Воздух был густой, пах влажной землей, корой, ночной сыростью и сладостью ночных цветов — жасмина или маттиолы. И полная тишина. Только шелест листьев, треск сверчков и тихое журчание старого каменного фонтанчика, наполовину скрытого плющом.

В таких запущенных местах была своя, особая, очень честная магия. В них не было «вылизанности» и искусственного контроля (передаем привет "стерильным" героиням!). В этом саду природа дышала свободно. Он был живым, настоящим, со своими несовершенствами, и именно поэтому в нем было так удивительно спокойно.

Оксана нашла старую кованую скамейку, деревянные рейки которой уже потемнели от времени, села и плотнее укуталась в шаль. Что она собиралась там делать? Просто слушать тишину, закрыв глаза и наслаждаясь тем, что в кои-то веки никто ее не трогает? Или в таком месте у нее сразу развернулся сюжет про какую-нибудь тайну, спрятанную в этих зарослях?

Оксана сидит на этой старой кованой скамейке, кутается в шаль. Вокруг стрекочут цикады, пахнет влажной землей и ночным жасмином. Оксана думает, что совершенно одна в этом забытом всеми месте. И вдруг...

Слышит тихий хруст ветки. Не резкий, а такой, словно кто-то ступает очень уверенно, но осторожно.

От ствола огромного, раскидистого дуба отделяется тень. Лунный свет пробивается сквозь листья и падает на него. Высокий. Широкие плечи, расслабленная, но чуть хищная грация. На нем темное пальто, он как будто тоже сбежал сюда от суеты, не особо заботясь о внешнем виде. Но выглядит при этом так, что дыхание на секунду перехватывает.

Он останавливается в паре шагов от Оксаны. Никакой неловкости. Он не выглядит маньяком, он выглядит так, будто этот заброшенный сад принадлежит ему.

Он просто опирается плечом о ствол дерева, смотрит на Оксану своими темными глазами, в которых отражается луна, и говорит глубоким, спокойным голосом с легкой хрипотцой:

— Не думал, что кто-то еще помнит дорогу в эту часть сада. Обычно по ночам здесь гуляют только призраки... Вы заблудились, или

Оксана чуть приподнимает бровь и с усмешкой говорит:

— Ого, вот это вы в образе... Сбежали из топовых строчек Литнета? Осталось только добавить, что «воздух можно резать ножом», а у меня сейчас «сердце ухнет в пятки и застучит где-то в горле».

От этих слов незнакомец неловко спотыкается о корень. Его «хищная грация» дает сбой. Он ошарашенно смотрит на Оксану, моргает, а потом вдруг искренне и совершенно не по-книжному смеется. Смех у него оказывается обычным, теплым, без всяких там «рычащих ноток».

— Ого, — говорит он, выходя из тени и плюхаясь на другой край скамейки. — А я-то думал, что от моего голоса у вас (он делает страшные глаза и максимально пафосно понижает тон) "по спине уже побежали мурашки размером со слона, а дыхание сбилось в рваном ритме".

Он лезет во внутренний карман своего черного пальто (которое пахнет, конечно же, «морозом, дорогим табаком и опасностью») и достает оттуда... не пистолет и не контракт на фиктивный брак, а небольшой термос и два стаканчика.

— Будете чай? С чабрецом, — спрашивает он нормальным, человеческим голосом. — А то пока я стоял за этим деревом и ждал подходящего момента, чтобы эффектно выйти в лунный свет, чуть не отморозил себе все свои «властные» амбиции. И, кстати, в райдере героя Литнета не было написано, что героиня окажется такой проникательной язвой.

И всё. Воздух тут же перестает быть таким, что его «можно резать ножом», сердце возвращается из пяток на свое законное анатомическое место, пульс в горле успокаивается, и Оксана становится просто ужасно уютно и смешно.

Оксана берет пластиковый стаканчик, греет об него озябшие пальцы, делает глоток. Потом прищуривается, смотрит на него поверх стаканчика и задумчиво выдает:

— А чай и правда вкусный. Ладно, «незнакомец», раз уж мы вышли из образа, давай знакомиться. Как зовут? Только подожди, дай угадаю...

Оксана выдерживает театральную паузу, окидывая взглядом его пальто и широкие плечи, и начинает загибать пальцы:

— Ты либо Демид Волков — безжалостный миллиардер, который скупает этот сад под застройку элитного ЖК, но вдруг решает оставить его ради дерзкой девчонки... Либо Тимур Бестужев — криминальный авторитет, который держит в страхе весь город, но при виде меня у него «заходили желваки на скулах». Ну, или на худой конец, Глеб Холодов — мой ледяной и властный босс, который прямо сейчас достанет из-за пазухи контракт на фиктивный брак. Я угадала? Только не говори, что ты Дракон-Император в изгнании, я к такому жанру сегодня не готова!

Мужчина давится чаем. Он заходится совершенно не брутальным кашлем, пытаясь отдышаться, а потом начинает хохотать так искренне, что эхо разносится по всему спящему саду.

— Попадите, — хрипит он, утирая проступившие от смеха слезы. — Демид Волков? Серьезно? Да чтобы быть Демидом, мне не хватает личного вертолета и травмы детства. А для Тимура я слишком законопослушный. К тому же, я пробовал ритмично сжимать челюсти, как положено альфа-самцам, но у меня просто сводит скулы и болит голова.

Он наконец успокаивается, делает глубокий вдох, улыбаясь так, что вокруг глаз собираются добрые лучики морщинок, и протягивает Оксане большую, теплую ладонь:

— Марк. Просто Марк. Фамилия не Свирепый, не Бескровный и не Громов. И контракта у меня нет, максимум — чек из кофейни в кармане завалялся. А в этот сад я прихожу, потому что здесь ловит вай-фай соседнего кафе, а пароль они не меняли с две тысячи девятнадцатого года.

Марк поудобнее откидывается на спинку кованной скамьи, закидывает ногу на ногу и с хитрым прищуром смотрит на Оксану:

— Ну а теперь моя очередь угадывать, раз уж мы ломаем шаблоны. Кто ты, о прекрасная Оксана из ночного сада? Невинная студентка, которая завтра случайно прольет капучино на мой (несуществующий) костюм от Армани? Отчаявшаяся должница, готовая на всё? Или... независимая и острая на язык писательница, которая сбежала сюда, чтобы спрятаться от коллег?

Глава 2

Оксана тихо смеется, качая головой:

— Ох, Марк... Знаю я много прекрасных писательниц, но я — просто Оксана. Женщина, которой, видимо, снится этот дивный сад, пока она уткнулась лбом в диван с ворохом неглаженных вещей.

Марк замирает с пластиковым стаканчиком в руке. Его глаза чуть расширяются, а потом улыбка становится уже не насмешливой, а какой-то невероятно теплой, уютной и очень понимающей. Без всякой «альфа-самцовой» снисходительности. Просто взгляд человека, который тоже знает, каково это — когда батарейка садится в ноль.

Он тихонько ставит свой стаканчик на деревянную рейку скамейки, пододвигается чуть ближе — ровно настолько, чтобы Оксане было комфортно, — и мягко накидывает ей на плечи свое пальто. И, вопреки всем законам жанра, оно пахнет не «морозом и опасностью», а стиральным порошком с легким ароматом хвои.

— Знаете, Оксана... — голос Марка становится тихим и бархатным, но не для того, чтобы соблазнять, а чтобы убаюкивать. — Уткнуться лбом в диван рядом с Эверестом неглаженных вещей — это звучит как самый жизненный и честный сценарий из всех возможных. Прекрасные писательницы с Самиздата наверняка бы оценила этот реализм.

Он смотрит на луну, потом снова на нее.

— Но раз уж ваше подсознание сжалилось над вами и подкинуло вместо гладильной доски этот запущенный дивный сад, горячий чай и компанию парня без вертолета... давайте насладимся этим по полной.

Марк достает из кармана воображаемый пульт и делает вид, что нажимает на кнопку.

— Всё. Я только что поставил на паузу и стирку, и глажку, и все дедлайны. В этом саду время не идет. Белье не помнется сильнее, чем уже помялось. А диван вас подождет.

Он откидывается назад, закладывает руки за голову и смотрит в переплетение ветвей над ними.

— В моем воображаемом райдере сказано, что в таких случаях я должен подхватить вас на руки и унести в закат, но... честно говоря, мне так лень вставать. И здесь слишком хорошо. Так что, уставшая женщина Оксана... Что будем делать в этом сне? Хочешь, я просто помолчу, а... ты положишь голову мне на плечо и наконец-то поспишь по-человечески, под стрекот цикад? Или хочешь, я буду рассказывать какие-нибудь совершенно дурацкие истории, пока ты не уснешь?

— Ахах, Марк, — рассмеялась Оксана, уютно кутаясь в его подозрительно свежеспавшее пальто. — Да вы опять в образе! «Идеальный, всё понимающий мужчина, спасающий уставшую женщину от бытовухи»... Ну конечно же, моя голова на вашем плече — это так «не шаблонно»! Ни разу не клише!

Марк картинно вздохнул, но глаза его блестели от сдерживаемого смеха. Он демонстративно похлопал себя по тому самому плечу, сдувая с него невидимую пылинку.

— Слушай, я старался! Я честно пытался быть оригинальным, — хмыкнул он, отпивая свой чай. — Но против законов жанра не попрешь. Если я сейчас предложу вам, не знаю, пойти перекапывать этот заброшенный сад или вместе гладить тот самый Эверест белья на вашем диване, это будет уже тяжелый артхаус или социальная драма. А мы, кажется, пишем романтику! Воображаемые читательницы нам не простят, если в ночном саду не случится хотя бы одного тактильного контакта с «надежным мужским плечом».

Он чуть сдвинулся, подставляя это самое плечо так, чтобы ей было максимально удобно, и добавил уже тише, с мягкой, обезоруживающей улыбкой:

— К тому же, Оксан, давайте будем честны: клише становятся клише только потому, что все мы иногда очень сильно устаем. И втайне мечтаем, чтобы кто-то большой, теплый и не требующий от нас идеальности просто сказал: забей на всё, ложись и отдыхай. Так что давай, используй меня как ортопедическую подушку. Обещаю не дышать в макушку «горячим, обжигающим дыханием альфа-самца». Разве что чуть-чуть, если замерзнешь.

Оксана фыркнула, но сопротивляться не стала. Потому что пальто и правда было теплым, сад — волшебным, а плечо Марка — на удивление удобным.

— Ладно, уговорил, картонный ты мой идеал, — пробормотала она, устраивая голову на его плечо и прикрывая глаза. — Но если ты сейчас начнешь рассказывать мне о своем тяжелом детстве и о том, как ты никого не любил до встречи со мной, я проснусь и пойду гладить пододеяльники.

Марк тихо и глубоко рассмеялся, отчего его плечо под щекой Оксаны уютно завибрировало.

— Договорились. Никаких душевных травм. Только стрекот цикад и абсолютная тишина...

Оксана чуть повернула голову на его плечо — ровно настолько, чтобы видеть в полумраке его профиль, — и задумчиво спросила: — Слушай, Марк... а что это за сад?

Марк не стал сразу отвечать. Он сделал вид, что очень внимательно изучает огромный, поросший мхом ствол дуба, потом перевел взгляд на заросшую плющом каменную ограду, видневшуюся вдалеке.

— Ну, смотри, — наконец заговорил он, и в его голосе снова заплясали насмешливые искры. — У нас есть два варианта. Вариант первый, шаблонно-драматический: это родовое поместье моего троюродного деда-графа. Он оставил мне его в наследство, но с одним условием — я должен жениться в течение тридцати дней, иначе вся эта земля и мои миллиарды достанутся приюту для бездомных капибар. И именно поэтому я сижу тут в кустах и высматриваю первую попавшуюся жертву... то есть, простите, любимую жену.

Он сделал глоток чая и хитро скосил на неё глаза: — Как вам? Тянет на бестселлер?

Оксана тихо фыркнула ему в плечо: — Капибар жалко. Они милые. Давай второй вариант.

— Вариант второй, — голос Марка стал мягче, он откинул голову на спинку скамейки и посмотрел на звездное небо. — Поскольку мы выяснили, что всё это — спасительная галлюцинация твоего переутомленного мозга, сбежавшего от горы неглаженного белья... то это твой сад, Оксан. Сад-санаторий. Тайное убежище.

Он поднял руку и обвел в воздухе невидимую панораму.

— Присмотрись. Видишь вон тот куст с крупными белыми цветами? Это куст Оплаченных Квитанций за коммуналку. Они распускаются раз в месяц сами по себе. А там, у старого фонтана... видишь раскидистое дерево? Это Дерево Готовых Ужинов. Подходишь, а там то лазанья, то борщ, и главное — никто не ноет, что не ест лук.

Марк чуть наклонился к ней и зашептал совсем как заговорщик: — А еще говорят, что где-то в глубине этого сада есть аллея, где растут вторые носки. Те самые, которые навсегда исчезают в стиральной машинке. Они мигрируют сюда и живут долго и счастливо...

Он замолчал, давая ей время представить эту абсурдную, но такую соблазнительную картину.

— Так что, хозяйка сада, — подытожил Марк. — Что еще у нас тут растет? Кусты с бесконечными выходными? Источник с кофе, который никогда не остывает? Заказывай, пока подсознание работает на полную мощность.

— Дайте подумать, — ответила Оксана. — Пусть будут полы, которые можно помыть раз и навсегда...и еще самопроверяющийся МЭШ.

Марк издал тихий, полный глубокого сочувствия смешок, и его плечо снова уютно дрогнуло под ее щекой.

— Самопроверяющийся МЭШ? — протянул он с благоговением в голосе. — Оксан, да вы мыслите масштабно. Это уже не просто сказочный сад, это утопия уровня лучших фантастов. За вымытые раз и навсегда полы я вообще готов выдать медаль и титул королевы этого Эдема. Рад, кстати, что мое плечо прошло кастинг и вписалось в этот райский пейзаж. Я старался не делать его слишком «каменным», как у каноничных боссов.

— Марк, — ответила Оксана. — А что бы еще ты добавил? О чем мечтается?

Он замолчал на секунду, задумчиво глядя, как пар от чая тает в лунном свете, всерьез обдумывая ее вопрос.

— Что бы добавил я? — Марк хмыкнул и поудобнее вытянул ноги, шурша опавшими листьями. — Ну, раз мы гуляем на все деньги нашего уставшего подсознания...

Он загнул первый палец: — Во-первых, Дерево Тишины. Такое, знаешь, с раскидистой кроной. Срываешь с него листок — и все рабочие чаты замолкают ровно на сутки. Никаких «А что нам делать?!» в одиннадцать вечера и открыток с Днем граненого стакана в семь утра.

Он загнул второй палец: — Во-вторых, аллею самозаполняющихся налоговых деклараций и отчетов. И чтобы где-нибудь в кустах прятался волшебный гном, который сам меняет зимнюю резину на летнюю и обратно. Без очередей в шиномонтаж.

Марк вдруг повернул голову, чуть коснувшись подбородком ее макушки. В его голосе пропала вся насмешливость, оставив только удивительное, спокойное тепло:

— А еще... я бы добавил сюда время. Знаешь, такое резиновое, тягучее время. Чтобы этот сад не исчез по звонку будильника в 6:30. Чтобы ты могла сидеть тут на скамейке, опираясь на мое заманчивое плечо, и спать столько, сколько тебе нужно. Пока мы не выспимся.

Он мягко, почти невесомо поправил сползший край своего пальто на ее плечах:

— Как тебе мой список, Оксана? Утверждаем генплан нашего санатория для выгоревших взрослых?

— Ого, Марк... — протянула Оксана, не открывая глаз, лишь чуть глубже зарывшись носом в воротник его пальто. — Так вы тоже, видимо, где-то сейчас прикорнули над своими отчетами и присели сюда...

Она вдруг открыла один глаз, хитро прищурилась и посмотрела на него снизу вверх:

— Колитесь, вы тот самый читатель Литнета? О, эти мужчины-ниндзя... Приходят, читают романы, кайфуют и в кусты? Ни лайка, ни комментария.

Марк поперхнулся чаем во второй раз за эту ночь. Он оторвал голову от спинки скамейки и уставился на Оксану с выражением искреннего, почти детского возмущения. А потом его плечи затряслись от беззвучного смеха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.